

Как мы живем «тут», на Земле, он знал и поведал нам в своих фильмах. А как «там»? – об этом он уже не расскажет никогда

На вопрос: «Что такое счастье?» Митрич в детстве отвечал для себя просто: «У кого есть отец, тот и счастлив...» Он своего отца не знал, но всю жизнь искал его.

Но так и не нашел.

В поисках его он полюбил странствия и уже до конца дней своих так и не обрел в душе чувства Дома – светлого и родного.

До поры до времени жил и спал, где придется – в рабочем и студенческом общежитиях, на квартирах у друзей, в гостиницах.

Его с детства пленило и уже никогда не отпускало сладкое чувство свободы.

Жажду по ней он утолял у туристических костров и в цыганских кибитках.

Отца ему заменила Земля.

Он сам себя не мог понять.

Не могли в нем разобраться и попутчики, которые оказывались рядом с ним на его путаных-перепутанных тропах и дорогах.

«А про тебя, Митька, могу сказать, – удивлялась, глядя на него, даже цыганка Катя, – свою нищету за радость принимаешь, а боль в сердце – за счастье. Кто ты? Не могу понять... Может, и не русский вовсе, а цыган... Ей Богу, цыган...»

Он был бессилен перед своим «Я» и потому всегда шел у него на поводу.

А его «Я», не важно какое – русское или цыганское – чаще находилось в диалоге не с людьми, а с Землей и Небом.

– Ты куда идешь?

– В Солнце!

– Значит, – вместе...

И он был искренен, когда приглашал нас: «Приходите все – я в Солнце... Мне тепло и уютно, и так хорошо...»

И тогда, когда все вокруг было непонятно, именно Солнце, по его признанию, казалось ему учителем жизни.

Он не дурачился и не играл, когда заявлял, что «вчера был грозовой тучей, сегодня стал солнечным дождем, а завтра будет свежим ветром...»

Я ему верил.

У него был редкий дар – он понимал язык природы и мог с ней разговаривать.

Он любил говорить с Землей.

Земля его спрашивала: «Ты видел, как цветут маки? А как поднимается солнце? А после дождя радугу?»

Он смеялся: «Конечно, видел...»

Он, действительно, все видел по-своему. Он и чувствовал Землю не как все. Однажды он сказал Земле: «Твоя судьба – моя судьба. И та боль, что

ТАМ ВАМ

НЕ ТУТ

тебе досталась от жизни – моя боль...» И еще, обращаясь к ней, добавил: «Я преклоняюсь перед тобой за твою любовь к нам. Я люблю тебя за то, что жизнь дана на один раз – и быть на Земле – великое счастье во всей Вселенной. И если через миллион лет я перейду в иную жизнь в этой Галактике, я отблагодарю тебя за то, что когда-то существовал...»

Здесь, на Земле, где «много, очень много домов... живут люди. Всякие люди – маленькие и большие, добрые и злые. И у всех у них есть сердце».

И у Земли есть сердце, и она понимает злость и доброту человеческую. Земля сказала: «Смотри, у людей все гораздо проще. Сегодня любил, а завтра нет».

«Земля, не говори так, – отвечал он ей, – я знаю твердо, кого бы я ни любил, но тебя сильнее всех...»

И Земля благословила его: «Я счастлива, пока ты живешь и любишь. Любовь эту я дала тебе. А ты, в честь своей любви, посади на мне дерево...»

Он посадил на ней не одно дерево и все же не раз укорял себя, что «забываем добро делать, все говорим: «уступается», а нет – надо много чего оставить на Земле. Чем больше, тем лучше». Это и есть то, ради чего жили страдал, и потом просто ушел...

Он и ко Времени обращался по-своему, восклицая искренне и с надеждой: «Дайте мне обнять Время, и оно почувствует боль в моем сердце... Дайте мне взглянуть в глаза огромного неба, и оно заплачет от счастья... И если ночные звезды высмотрят мою ладонь, то они узнают про меня больше, чем знаю я сам...»

Потому и сам он был, как непредсказуемая природа, вселившая в него две животворящие стихии – тьмы и света.

И в своем единоборстве проявились они в нем с первого дня его рождения, испытывая на прочность не только наши нервы, но и сердце его – доброе и нежное.

Чувствующий природу мира и верный своей, он слышал их гармонию и горько переживал разлад между ними – в жизни, в работе и в любви.

Он и жил по ее законам. От нее зависело его настроение и его состояние души.

И потому, ослепленный сугробами марта, он мечтательно ожидал весны, и, пережив апрель, безрассудно отдавался майскому буйству листвы, цветов и трав.

Его спасала целительная свежесть торжествующего июня, и, опаленный июльским зноем, в августе он испытывал чувство удовлетворения от плодов своего труда.

В сентябре его сердцем овладевала светлая печаль – печаль умиротво-

Ю. Д. Половников (Митрич) на ленте жизни.

рени в этой осени, чтобы пронеся ее через октябрь, задохнуться от удушья безысходной тоски осени поздней.

Он радовался девственной белизне первого снега и с такой же безумной радостью, вспоминая рождественские елки и озорные святочные гулянья, бросался в белый омут неукротимой февральской метели.

И так день за днем и год за годом. В мучительном одиночестве и в кругу самых близких друзей.

И только через фильмы, задуманные им и выстраданные, он мог усмирить эти две стихии – тьмы и света, живущие в нем, и примирить их в самом себе, а через себя – и на земле.

Кино для него тоже было своеобразной стихией, в которой он жил и которую силой своих чувств и мыслей пытался укротить и сотворить из нее «свою вечность».

Уверенно в ней он себя чувствовал только тогда, когда у него был герой, рядом – единомышленник-оператор, а в голове – сумасшедшие идеи.

Режиссер и оператор – одно целое и, мучаясь, как писал он, «двое делают великое дело – рожают кино. Отличие их только в одном – один смотрит в окуляр видеоискателя и видит ровно то, что видит, а другой видит и то, что за горизонтом...»

Он умел заглядывать за горизонт и любил делиться с нами своими впечатлениями от увиденного «там».

Он верил, что может сотворить то, что до него никто не мог.

К сотворению собственного чуда он стремился всю жизнь и так хотел, что-

бы люди «фантазировали» уже над придуманным им, потому что каждый из нас – Космос, Вселенная.

Свет озарял его и питал, когда он приступал к работе над фильмом, а после ее завершения под «шип шампанского» его завораживала тьма, и он проваливался в «бездну – огромную, пустую», непонятную ему самому, когда вокруг «полумрак и небрежно кинутое одеяло на голое тело...»

Успокаивался тем, что «рожденное потом, добром и светом» чудо искусства никогда не стареет и бескорыстно служит людям.

Потому и нас усаживал он у «Костров нашего детства», чтобы и нам напомнить о самих себе – когда-то искренних и чистых.

Он вводил нас в избы вдовьих русских женщин, чтобы мы, смилив гордыню и отрешившись от мелочных дел, очистились красотой их душ и задумались о душах своих.

Он снаряжал рыбацью лодку, чтобы через озеро Воже от кирилловских берегов пройти на ней путь до некогда богатого города Чаронда и оплакать вместе с нами горькие плоды трудов наших в веке минувшем.

Видя, какие беспамятливые наступают времена, он с верой и надеждой, свернув с большака, постучался в двери старых учителей из Андогской сельской школы Кадуйского района, чтобы вместе с ними воспарить, как «Чайки», над кострами детей двадцать первого века и уберечь их пока еще робкий огонь от грозových дождей эпохи и от ее сквознякового ветра.

Вместе с людьми, которые ищут

дорогу к Храму, он поселился на острове и духовно обустроивал его, чтобы завтра забытый материком остров стал для кого-то воистину «Островом спасения».

Он знал нашу жизнь такой, какая она есть. И любил ее такую.

Но мечтал всегда о другой, о той, которую увидел однажды – сидя у костра своего детства под ночным звездным небом.

Для него скопление звезд Млечного Пути было похоже на потухающие угли костров – там, во Вселенной.

Он был уверен, что Путь тот и есть наше с вами пространство.

Жаль только, что мы, плутая по дорогам земным, утрачиваем во взрослой жизни чувство родства с нашими близкими друзьями – ночными звездами...

«Вот они, мои родненькие звезды!» – не стесняясь, восклицал он. Они мне шепчут: «Дурачок! Ты ищешь то, чего нет вообще...»

А Митрич все равно искал.

Искал всю свою короткую жизнь. Искал в любви к Земле и к людям, а когда человек творит в любви – даже мечту свою, «то... и след оставляет после себя добрый и чистый...»

Он оставил именно такой.

Илишь вздохнул с сожаленьем, уходя от нас в пространство сотворенного им мира:

«Вот и все. Даже жалко, что все.»

И кино мое уже как бы не мое, а ваше... Мне сказали, что я умер...

Но вы меня ведь слышите?...»

Владимир Кудрявцев

